

ГЕНДЕР, СЕМЬЯ, СЕКСУАЛЬНОСТЬ. ПРОДОЛЖАЯ И. С. КОНА

DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.01>

Правильная ссылка на статью:

Тартаковская И. Н., Лунин И. И. Социальные трансформации гендера и сексуальности в свете идей И.С. Кона // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 4—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.01>.

For citation:

Tartakovskaya I. N., Lunin I. I. (2018) Social transformation of gender and sexuality as viewed by I. S. Kon. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 4—19. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.01>.

И. Н. Тартаковская, И. И. Лунин СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЕНДЕРА И СЕКСУАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ ИДЕЙ И. С. КОНА

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
ГЕНДЕРА И СЕКСУАЛЬНОСТИ В СВЕТЕ
ИДЕЙ И.С. КОНА

SOCIAL TRANSFORMATION OF GENDER
AND SEXUALITY AS VIEWED BY I.S. KON

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия; доцент Государственного гуманитарного академического университета (ГАУГН), Москва, Россия.

*E-MAIL: I_Tartakovskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9085-5712*

Irina N. TARTAKOVSKAYA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher; Associate Professor

*E-MAIL: I_Tartakovskaya@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9085-5712*

¹ Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² State Academic University for Humanities, Moscow, Russia

ЛУНИН Игорь Ильич — кандидат психологических наук, психолог-консультант, директор научно-просветительной фирмы СВРК, Санкт-Петербург, Россия; исполнительный директор Earnest Light Psychophysics Ltd, Торонто, Канада.

E-MAIL: dr.igor.lunin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4533-3226

Igor I. LUNIN^{3,4} — Cand. Sci. (Psychology), Consulting Psychologist, Director; Executive Director

E-MAIL: dr.igor.lunin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4533-3226

³ SVIRK Research Company, St Petersburg, Russia

⁴ Earnest Light Psychophysics Ltd, Toronto, Canada

Аннотация. В статье рассматривается влияние И. С. Кона на многие аспекты современных исследований в области гендера и сексуальности. Авторы делают вывод, что именно И. С. Кон выделил несколько ключевых тенденций, описывающих современное состояние гендерного порядка в аспекте сексуальности, а именно индивидуализацию и плюрализацию культур и стилей жизни, которая заставляет говорить уже не о единой или даже нескольких «нормативных моделях», а о «сексуальностях» во множественном числе. В предлагаемой работе на примере теории сексуальных конфигураций, предложенной канадской исследовательницей С. ван Андерс, показывается многообразие сочетаний различных гендерных идентичностей с множеством сексуальных предпочтений. В статье подчеркивается, что, как и предупреждал И. Кон, именно гендерные отношения и сексуальность в настоящее время в центре повестки дня, поскольку на них экстраполируются многие более масштабные и серьезные проблемы. Культурное и, в частности, гендерное разнообразие воспринимается многими людьми как угроза потери самых базовых ориентиров в непредсказуемом и изменчивом мире. В статье приводятся примеры разных типов государственной политики по отношению к бинарным

Abstract. The article examines the influence of Igor Kon on many aspects of modern research in the field of gender and sexuality. The authors conclude that it was Igor Kon who identified several key trends describing the current state of gender order in sexuality, namely, individualization and pluralization of cultures and lifestyles which refers not to single or several «normative models» but to a set of sexualities. In the proposed work, the variety of combinations of different gender identities with a multitude of sexual preferences is shown using the theory of sexual configurations developed by the Canadian researcher Sari van Anders. The article emphasizes that, as I. Kon warned, it is gender relations and sexuality that are currently at the center of the agenda, as many more serious social problems are extrapolated to them. Cultural and, in particular, gender diversity is perceived by many people as a threat of loss of the basic landmarks in an unpredictable and changing world. The article provides examples of different types of public policy in relation to binary and non-binary gender categories in different countries of Europe, Asia and North America.

и небинарным гендерным категориям в разных странах Европы, Азии и Северной Америки.

Ключевые слова: Игорь Кон, гендерный порядок, сексуальность, теория сексуальных конфигураций, гендерная идентичность, государственная гендерная политика, моральные паники, публично-приватная дихотомия

Keywords: Igor Kon, gender order, sexuality, theory of sexual configuration, gender identity, state gender policy, moral panic, public-private dichotomy

В автобиографической книге «80 лет одиночества» И. С. Кон признался, что «проблемами сексуальности занялся в известной степени помимо собственной воли» [Кон, 2008: 295] — в научно-теоретическом плане изучение сексуальности тогда, в начале 1960-х годов, не представлялось ему достойным предметом. Однако его аспирант С. И. Голод собирался защищать диссертацию об эмпирическом изучении сексуального поведения советской молодежи. И аспирант, и руководитель понимали, что тема «недиссертательна» (и действительно, защитить эту диссертацию не удалось, несмотря на множество положительных отзывов), но интеллектуальный интерес к этой странной, совершенно маргинальной тогда проблематике у И. С. Кона возник, тем более что, как написал он далее, «еще занимаясь историей позитивизма в социологии, я не мог не познакомиться с трудами Альфреда Кинзи, а затем — интересно же! — с другими его книгами» [Кон, 2008: 295]. В этой ремарке «интересно же!» и есть, наверное, главная причина того, что И. С. Кон стал заниматься сюжетами, связанными с сексуальностью, — первая его большая статья на эту тему «Половая мораль в свете социологии» вышла в свет в 1966 г. [Кон, 1966], она носила историко-социологический характер. Таким образом, документированно И. С. Кон занялся сексологией, когда ему не было еще и 40 лет. Это была середина его земной жизни, впереди лежали еще две трети его чрезвычайно насыщенной творческой и профессиональной биографии.

В 60-е годы XX века в советских социальных науках (как и в общественном дискурсе) не было понятия «сексуальность», а было понятие «половая жизнь», мыслившаяся как исключительно медицинский феномен. Основные исследования «половой жизни», которая только в середине 1970-х стала осмысливаться как сексуальность, то есть особая сфера социального бытия человека, были связаны с отклонениями сексуального поведения от так называемой нормы, формулировавшейся чисто политически и спекулятивно, поскольку «нормальная сексуальность» как эмпирический феномен практически не изучалась — сексуальность целиком относилась к области компетенции врачей, и поэтому изучалась исключительно с точки зрения сексопатологии.

Революционная роль работ И. С. Кона в советских, а потом и в российских социальных науках заключается в том, что ему удалось заложить основы изучения сексуальности в междисциплинарном аспекте, показав в сексуальном поведении человека влияние культурных, исторических, психологических, социальных

и биологических факторов. Это была абсолютно новая постановка вопроса для отечественной сексологии, но такой широкий охват проблемы сексуальности был по достоинству оценен и западными учеными мирового уровня. И. С. Кон скромно пишет об этом: «Общение с крупными сексологами мира показало, что некоторые мои мысли не совсем тривиальны и интересны также и для профессионалов» [Кон, 2008: 298]. Он был знаком находился в активном интеллектуальном диалоге со всеми ведущими сексологами своего времени, включая психолога Джона Мани и социолога Джона Гэньона. Выдающаяся роль Кона в становлении мировой сексологии и особенно в развитии сексологических концепций в СССР, а затем в постсоветской России, была по достоинству оценена мировой наукой, что нашло подтверждение в издании его книг за рубежом и награждении его золотой медалью Всемирной сексологической ассоциации на 17-м Всемирном сексологическом конгрессе в Монреале в 2005 г.

Мультидисциплинарность подхода к изучению сексуальности привела И. С. Кона к необходимости взяться и за наиболее сложные на то время сюжеты сексуального поведения, связанные с однополыми отношениями и трансгендерностью. Книга «Лики и маски однополый любви. Лунный свет на заре» — непревзойденный образец анализа явления с позиций разных научных дисциплин [Кон, 2003].

Анализируя научное наследие И. С. Кона, в том числе в области гендерной социологии и исследований сексуальности, невозможно игнорировать очень важный его аспект: работы Игоря Кона никогда не были адресованы только узкоспециальной академической аудитории. Даже его относительно ранняя классическая работа «Социология личности» [Кон, 1967] воспринималась как совершенно революционная для своего времени. Сам Кон об этом говорил так: «Книга стимулировала критические размышления, но не указывала, что делать. Я сам этого не знал, а если бы знал, побоялся бы сказать» [Кон 2008: 248]. Однако, несмотря на отсутствие прямых политических посылов, его книги и статьи, написанные прекрасным языком, без лицемерия и отстранения обращаются к острым, волнующим «обычных людей» проблемам, всегда были востребованы самым широким кругом читателей, и это был его сознательный выбор. Задолго до того, как в повседневный социологический обиход вошло понятие «публичная социология», Игорь Кон практиковал ее в области гендерных исследований, рассматривая миссию социолога с точки зрения гуманистических моральных императивов. И хотя гендерная социология в принципе является критической теорией, имеющей свою политическую повестку дня и не прячущейся за «научным объективизмом», никто из российских ученых не реализовывал этот принцип с такой чистотой и последовательностью, как Игорь Кон.

Гендер и сексуальность в современных исследованиях и общественных дебатах

В одной из своих программных статей, обобщающих исследования сексуальности в начале XXI века, И. С. Кон выделил несколько ключевых тенденций, описывающих современное состояние этой сферы гендерных отношений. Главнейшей из них он считал индивидуализацию и плюрализацию культур и стилей жизни, которая заставляет говорить уже не о единой или даже нескольких «нормативных

моделях», а о «сексуальностях» во множественном числе. И. С. Кон отмечает, что социально-эротическое поведение и мотивация окончательно эмансипировались от репродуктивной биологии, а возрастные рамки сексуальной активности расширились. Эти сдвиги в сексуальной культуре были вызваны трансформациями в системе гендерного порядка, прежде всего связанными с изменениями в положении женщин.

Возрастающая экономическая самостоятельность женщин и освоение ими новых сфер деятельности, включая предпринимательство, с неизбежностью привели к изменениям их представлений о том, как должны складываться их взаимоотношения с мужчинами. Глубокие сдвиги в гендерных стереотипах и поведении ослабили гендерные различия и связанную с ними социальную стратификацию [Кон, 2002: 25—27]. В результате, как пишет И. С. Кон, сравнительно-исторический анализ динамики сексуального поведения, установок и ценностей за последние полстолетия демонстрирует резкое сокращение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т. д. [Кон, 2002: 28]. Вследствие этого, закономерно происходят сдвиги в области сексуальной морали. Само по себе моральное регулирование и оценка сексуальных отношений не исчезают, но становятся более гибкими и реалистичскими. При этом главным и единственным критерием моральной оценки сексуальных действий и отношений выступает их добровольность, взаимное согласие партнеров, причем требовательность общества в этом отношении заметно повышается [Кон, 2002: 32].

И. С. Кон написал об этом в самом начале нашего столетия, более пятнадцати лет назад. И невозможно не отметить, как точно он обозначил одну из наиболее острых точек современных общественных дебатов о сексуальности. Масштабные флешмобы 2016—2017 гг. #MeToo и его российско-украинская версия #НеБоюсьСказать продемонстрировали, что сложившиеся рамки допустимого и «естественного» в отношении практик инициирования сексуального диалога категорически перестали устраивать многих участниц этих отношений. Развернувшиеся вокруг флешмобов бурные дискуссии показали, что, по всей видимости, количество накопившихся несоответствующих нормативных ожиданий мужчин и женщин в области выстраивания отношений по поводу сексуальности перешло в качество, и никакого, даже самого относительного консенсуса по этому поводу более не существует.

Во втором десятилетии XXI века сексуальность достаточно неожиданно для многих социальных ученых оказалась в центре повестки дня, заслонив многие, казалось бы, гораздо более масштабные и серьезные проблемы. Признаки этого «сексуального поворота» наблюдала уже более 30 лет назад антрополог Гейл Рубин, отмечая в своей влиятельной работе «Thinking Sex», что периодически в истории различных обществ возникает необходимость переопределить «сексуальный порядок», то есть нормы и правила, создающиеся и воспроизводящиеся идеологией и различными социальными институтами: «Для некоторых сексуальность может показаться несущественной темой, несерьезным уклонением от более острых проблем нищеты, войны, болезней, расизма, голода или ядерного уничтожения.

Но именно в такие моменты, когда мы живем с возможностью немислимого уничтожения, люди могут стать опасно одержимыми в отношении сексуальности» [Rubin, 1984: 267].

Не адресуясь напрямую к исследованиям Г. Рубин, И. С. Кон в своих работах приходил к сходным выводам, применяя их непосредственно к России. Он наблюдал многочисленные моральные паники, медийные кампании, связанные с сексуальностью, причем указывал, что обсуждающие эти темы проблемы политики и журналисты вместо серьезной научной статистики пользуются случайными, недостоверными данными, отбор и выводы из которых крайне политизированы. Сложные и противоречивые тенденции общественного развития примитивно объясняются «падением нравов», влиянием «растленного Запада», происками западных спецслужб и фармацевтических компаний. Реальные трудности, переживаемые страной, подчеркивал И. С. Кон, при этом мистифицируются и углубляются — одним из побочных эффектов такой политики стала переживаемая Россией грандиозная эпидемия ВИЧ-инфекции [Кон, 2002: 43—44], значительно усугубившаяся с тех времен, о которых писал И. С. Кон: согласно данным Министерства здравоохранения, с 2006 г. отмечается стойкий рост заболеваемости ВИЧ-инфекцией в среднем на 10 % в год¹.

Многие темы, о которых писал в научных и публицистических работах И. С. Кон, со временем стали не менее, а более актуальными. Как пишут во ввводной статье к тематическому номеру «Журнала социологии и социальной антропологии» Е. Бороздина, А. Кондаков и Е. Шторн, «в последнее время в России наблюдается значительный рост общественного интереса к исследованиям гендера и сексуальности. Отчасти это связано с нашумевшими медийными событиями — законами, свидетельствующими о патриархатном ренессансе, сексистскими высказываниями политиков, гендерно окрашенными флешмобами в социальных сетях. Все они отражают изменение гендерных норм и возникающие в этой связи социальные конфликты. Гендер и сексуальность все чаще оказываются во главе угла, когда речь идет о легитимации властной позиции» [Бороздина, Кондаков, Шторн, 20017: 7]. Происходит переосмысление наличествующего гендерного порядка, о котором неоднократно писал И. С. Кон, подчеркивая что решающая роль в этом переосмыслении принадлежит женщинам, порождая значительное напряжение у многих категорий мужчин, ибо «господствующий класс заинтересован в сохранении статус-кво» [Кон, 2009: 103]. Из этого не следует, однако, что все женщины приветствуют происходящие изменения: многие из них разделяют консервативные опасения, касающиеся гендерных трансформаций, видя в них угрозу своей привычной картине мира, а иногда и «патриархатным дивидендам», к которым они имели доступ, встроившись в сложную систему распределения власти в публичной и приватной сферах [Здравомыслова, Темкина, 2007; Kandioti, 1988].

Таким образом, процесс переопределения «сексуального порядка» как одного из аспектов «гендерного порядка» вызывает многоуровневые напряжения и открытые политические и идеологические конфликты — не только в России,

¹ Информация Минздрава России относительно случаев ВИЧ в России по итогам 2016 года. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosminzdrav.ru/news/2017/05/16/5440-informatsiya-minzdrava-rossii-otnositelno-slucaev-vich-v-rossii-po-itogam-2016-goda> (дата обращения: 30.09.2018).

но и во всем мире (И. С. Кон всегда настаивал на том, чтобы гендерные отношения в России рассматривались не изолированно, а в глобальном контексте, в сравнении с другими странами) [Кон, 2009: 98—116].

Как пишут в своей часто цитируемой статье Вероника Гржебальска, Эстер Ковач и Андреа Пето, демонизация «гендерной идеологии» (под которой понимается продвижение равных прав для женщин и либерализация сексуальности) стала ключевым риторическим приемом создания нового «здорового смысла» для широкой аудитории, определяющего, что следует считать «нормальным» и «легитимным» [Grzebalska, Kováts, Peto, 2017]. Многие страны в последние годы столкнулись с достаточно мощными социальными движениями, выбравшими гендерную идеологию целью своей политической атаки — если в постсоветских странах она связывается с такими идеологемами, как влияние «Запада» и «Гейропы», то в США, например, с «политкорректностью». По мнению этих авторов, понятие «гендер» как обозначение гендерного равенства стало «символическим клеем», скрепляющим различные группы людей, недовольных наличествующим социэкономическим порядком, ощущающих неуверенность в будущем и снижение уровня социальной, политической и культурной безопасности. Отрицая парадигму «прав человека», относительно ценности которой в странах Европы и Северной Америки долгое время существовал определенный консенсус, враги гендерной идеологии противопоставляют ей ценности семьи, нации и религии, парадоксальным образом соединяя их со «свободой слова», понимаемой ими как «свобода от политкорректности» [Grzebalska, Kováts, Peto, 2017].

В России, как и предупреждал И. С. Кон [Кон, 2002: 43—44], эта атака приняла особенно острый характер. В контексте масштабных и дезориентирующих политических, экономических и социальных перемен любая форма культурного разнообразия кажется угрожающей, и это часто заставляет людей цепляться за традиционный гендерный порядок и сексуальные нормы в надежде сохранить предсказуемость опасного и изменчивого мира [Inglehart, Baker, 2000: 28]. Мы можем говорить в этой связи о борьбе за определение легитимного «режима катексиса» (употребляя выражение Р. Коннелл), или, иными словами, «эмоционального порядка», который является одной из важных (и относительно автономных) сфер гендерного порядка в целом. Основным принципом этого эмоционального порядка в странах, принадлежащих к культуре позднего модерна, Р. Коннелл считает создание домохозяйств на основе романтической любви или сильной персонализированной привязанности между двумя партнерами.

При этом глобальный гендерный порядок подразумевает принципиальное различие между гетеросексуальными и гомосексуальными отношениями. На основании этого различия предполагается существование разных типов людей («гомосексуалов» и «гетеросексуалов»), идентичность которых строится прежде всего на базе их сексуальных предпочтений. Р. Коннелл подчеркивает, что эмоциональное притяжение может иметь как позитивный, так и негативный характер. Например, мизогиния (негативные предрассудки по отношению к женщинам) и гомофобия (ненависть к гомосексуалам) имеют отчетливо эмоциональный, иногда даже страстный характер. В отношении гомосексуалов эта негативная фиксация нередко ведет даже к преступлениям, вплоть до убийства [Connell, 2009: 82—83].

На базе этого эмоционального порядка формируется гетеронормативность — такая общественная система, в которой для каждого индивида сформированы социальные ожидания по поводу ее/его гетеросексуальности — по умолчанию человек считается гетеросексуальным. От соответствия этим ожиданиям зависят получение социального одобрения и включенность в общество, либо — если ожидания не оправдываются — маргинальный статус индивида [Кондаков, 2017: 191].

Во многих странах, включая и придерживающиеся относительно либеральных политических ценностей, принято считать, что сексуальность может открыто манифестироваться только в приватной сфере, при этом большинство арен публичного пространства рассматриваются как гетеросексуальные. В то время как гетеросексуалы имеют возможность открыто выражать свою сексуальность в рамках публично-приватной дихотомии, гомосексуалы вынуждены оставаться «невидимыми», стараясь соответствовать гетеронормативным представлениям о мужественности и женственности (за исключением специально выделенных площадок в виде соответствующих баров и клубов) [Valentine, 1993: 396]. Попытки изменить этот порядок репрезентации вызывают у части общества резкий протест, в России приведший к появлению в 2013 г. федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», в котором информация, пропагандирующая нетрадиционные сексуальные отношения, была определена как вредная для детей (для краткости и ясности этот закон стали называть законом о гей-пропаганде). По сути, любое открытое обсуждение «нетрадиционных сексуальных отношений» становится, согласно этому закону, противоправным.

Предвидя возможность такого развития гендерного порядка, в предисловии ко второму изданию книги «Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви» И. С. Кон писал: «Быстро меняется положение геев и лесбиянок во всем мире. Некоторые тенденции, вроде легализации однополых браков, которые в первой половине 1990-х гг. были еще локальными и многим казались экзотическими, теперь приобрели общий характер. Большие позитивные сдвиги происходят в мировом общественном мнении. Наряду с этим в России в последние годы заметно активизировались реакционные антигомосексуальные силы, публичные выступления которых не встречают не только отпора, но даже политической и моральной оценки» [Кон, 2003: 3].

Помимо общего реванша консервативных политических сил, позиционирующих либерализацию сексуальности в качестве основного признака «морального упадка» и эксплуатирующих массовое чувство неуверенности в завтрашнем дне, острое неприятие гомосексуальности (особенно мужской), в том числе в России, вероятно, является следствием «кризиса маскулинности», истоки которого можно проследить еще в позднесоветский период [Здравомыслова, Темкина, 2002]. В 1990-е годы этот кризис был значительно усилен падением производства в таких традиционных сферах мужской занятости, как оборонная промышленность и тяжелая индустрия в целом, приведшим к потере статуса кормильца сотнями тысяч мужчин [Kiblitckaya, 2000]. Этот опыт «демаскулинизации» (хронологически совпавший с декриминализацией гомосексуальности и появлением ЛГБТ-активизма в России) требовал компенсации и символического «излечения». Однако сам механизм утверждения гегемонной (то есть нормативной, успешной, победоносной) ма-

скулинности предполагает существование других групп мужчин, по сравнению с которыми эта маскулинность выглядит как «правильная» и аутентичная [Carrigan, Connell, Lee, 1985]. Как пишет Джордж Мосс, идеал маскулинности как символ личного и национального возрождения требует противопоставления, усиливающего и легитимирующего этого идеал. Эти противоположные типы, ключевыми из которых являются гомосексуалы, не просто репрезентируют собой иные типы маскулинности, но конструируются как враждебные. Таким образом, проводится решительный водораздел между «правильной» и «враждебной» маскулинностями, так чтобы мужественность как символ здорового общества подпитывалась за счет своей контрастной противоположности [Mosse, 1996: 4].

Политики гендера и сексуальности: другие берега

Очень важно, однако, констатировать, что такой вариант развития гендерного порядка, который подразумевает конфронтацию с идеологией гендерного равенства, гомофобию и моральные паники по поводу либерализации сексуальности, не является неизбежным и единственно возможным для современной политической ситуации.

Современные исследования в области гендерных отношений подтверждают гипотезы о гибком, изменчивом характере сексуальности. Так, например, в 2015 г. американско-канадская исследовательница ван Андерс предложила теорию сексуальных конфигураций (ТСК). Теория основана на построении моделей партнерской (групповой) сексуальности, которая отделяется от индивидуальной сексуальности. Ван Андерс вводит два параметра: гендер/пол и количество партнеров (применительно к группе). ТСК также описывает гендер/пол индивида. Через призму сексуального разнообразия рассматриваются общие и частные свойства различных сексуальностей, без наделения преимуществами какой-то одной из них. Теория рассматривает сексуальные идентичности, ориентации и статусы, которые могут быть как зависимыми друг от друга, так и независимыми, и, соответственно, могут быть ветвями одного ствола или случайным совпадением [van Anders, 2015; van Anders, Schudson, 2017].

Эта работа развивает идеи квир-теории, связанной с именами М. Виттиг [Виттиг, 2002], И. Кософски Седжвик [Кософски Седжвик, 2002], Дж. Уикса [Weeks, 1985] и других авторов, в которых было поставлено под сомнение существование «сексуальной ориентации» как категории и основанных на ней определенных типов идентичности, строго разделенных по бинарному принципу гетеро/гомосексуальности. Как пишет по этому поводу современный исследователь Д. В. Воронцов, «в условиях парадигматического сексуального различия и постулирования существования неких стабильных форм сексуального разнообразия сексуальность разделяется на два относительно независимых пласта существования: личный и коллективный — и становится весьма противоречивым феноменом, внешние проявления которого подвергаются тщательному рассмотрению, отбору, контролю и регулированию. При господстве нормативистского уклада социальных отношений, когда стабильность и незаметность оснований социальной жизни не создает особых проблем личного выбора какой-либо модели поведения, господствующие культурные сексуальные скрипты выступают главными предиктора-

ми функционирования сексуальности, производя фиксированные сексуальные идентичности» [Воронцов, 2017: 69]. В условиях же складывающегося сегодня социального порядка, который Уиттиер и Саймон называют постпарадигматическим (т. е. отрицающим или подвергающим критике нормативность научных категорий), на передний план выдвигаются внутриличностные сценарии сексуального желания, подрывающие возможность становления и функционирования любой четко определенной сексуальной идентичности на общественном уровне и смещающие акцент на психологические основания сексуального самосознания [Whittier, Simon, 2001].

Может ли такой теоретический подход сочетаться с государственной политикой? Опыт Канады, одной из самых высокоразвитых и успешных стран мира, позволяет положительно ответить на этот вопрос: в 2016 г. в некоторых провинциях Канады в официальных документах стало необязательно указывать свой биологический пол, соответственно, при его указании не требуется никаких подтверждающих документов. В заграничном канадском паспорте появилась возможность поставить букву X вместо традиционных Ж и М². Эта, казалось бы, чисто учетно-регистрационная мера оказывает, тем не менее, большое влияние на жизнь людей.

Канада здесь не исключение: официальное признание небинарной гендерной структуры началось в Австралии в 2003 г. [Holme, 2008], но на сегодняшний день получает все большее распространение в разных странах. В нескольких штатах США в 2017 г. появилась возможность в водительских правах выбрать третью опцию для пола без какого-либо обоснования³. В 2017 г. Германия допустила возможность использования в документах небинарного гендера⁴. В других европейских странах также наметилась тенденция к признанию небинарной гендерной структуры на государственном уровне.

В Непале трансгендеры признаются третьим полом с 2007 г, для изменения паспортного пола достаточно самоидентификации⁵. В 2014 г. третьим полом трансгендеров признали в Индии⁶. В Пакистане в результате борьбы за свои права люди третьего пола, называемые «кваяя сара» (khwaja sara), добились выдачи специальных документов, отражающих их гендер [Khan, 2016]. Схожие процессы в последние годы отмечаются в Таиланде и на Филиппинах, в культурах которых исторически существовали полигендерные конструкты [Kang, 2012]. Таким образом, гибкие и сензитивные политики сексуальности реализуются далеко не только в странах западного мира, традиционно обвиняемых консерваторами в искажении моральных норм.

В начале 1980-х годов один из авторов этой статьи И. И. Лунин по совету и рекомендации И. С. Кона начал исследовать детей с особенностями «полоролевого» развития, в том числе с такими, которых тогда называли транссексуалами, а потом

² Canada, Immigration, Refugees and Citizenship. Change the sex on your passport or travel document. — Canada.ca. 2018. [Электронный ресурс]. URL www.canada.ca (дата обращения: 15.10.2018).

³ Grinberg E. (2017) You can now get a gender neutral driver's license in D.C. *CNN*. June 27.

⁴ Bundesverfassungsgericht Press Release No. 95/2017 of 08 November 2017: Civil Status Law Must Allow a Third Gender Option. [Электронный ресурс]. URL: www.bundesverfassungsgericht.de (дата обращения: 15.10.2018).

⁵ Knight K. (2012) Nepal's Third Gender and the Recognition of Gender Identity. *Huffington Post*. 24 April.

⁶ McCoy T. India now recognizes transgender citizens as 'third gender'. *Washington Post*. 15 April 2014.

трансгендерами [Lunin, 2017]. Проводя вместе с Г. В. Старовойтовой межкультуральное сравнительное исследование полоролевых установок абхазов и ленинградцев, мы могли замерить социокультурные влияния на полоролевое поведение [Лунин, Старовойтова, 1991]. Но нам и в голову не могло прийти, что многие проблемы, вызывающие сильнейшее внутреннее напряжение, могут быть просто сняты, если людям не надо будет указывать гражданский или паспортный пол...

Вместо заключения

Современные представления о гендере и сексуальной идентичности основаны на том, что это динамические, а не статические переменные. Сексуальное поведение в гораздо большей степени определяется возможностью самовыражения и коммуникации, чем это считалось раньше. В условиях, когда биологический пол превращается в медицинский факт, который необязательно манифестировать, многие понятия, например, сексуальные предпочтения, приобретают совершенно иной смысл, а такие понятия, как однополые отношения, в значительной степени обесмысливаются [Light, 2018]. Предчувствуя эти сдвиги в научной парадигме сексуального здоровья, И. С. Кон в свое время завершил свою эпохальную монографию об однополых любви такими словами: «По мере того, как ослабевает необходимость нечто скрывать, уменьшается потребность притворяться и изображать» [Кон, 2003: 505]. Исследовательский и консультационный опыт авторов показывает, что отсутствие жесткой регуляции сексуальности может быть терапевтически полезным для многих людей, не имеющих возможности вписать себя в жесткие бинарные категории. И хотя такая политика представляется сегодня достаточно радикальной и последовательно применяется только в одной стране, этот опыт представляется очень интересным и в теоретическом, и в практическом смысле.

Таким образом, в современном мире мы можем наблюдать совершенно разные модели развития гендерного порядка и политик, связанных с сексуальностью: от консервативного поворота, отвергающего все формы ненормативной сексуальности (более того, выстраивающего на этом фундаменте основания для солидарностей), до полного отказа от регуляции гендерных отношений на государственном уровне. Будущее покажет, какие из них окажутся более жизнеспособными, и насколько они будут способствовать развитию общества и счастью отдельных личностей. Однако сам факт столь разного ответа на примерно одни и те же вызовы современности — индивидуализацию, атомизацию, демографические изменения, глобальную политическую неустойчивость — говорит о множественности векторов социального развития, в том числе и гендерных трансформаций. И, как мы постарались показать в этой статье, идеи И. С. Кона сохраняют свой эвристический потенциал для изучения таких сложных, многоуровневых, пропитанных противоречиями процессов.

Труды Игоря Кона, сочетающие огромную научную эрудицию автора с ясным стилем, четкой логикой и безукоризненной этической позицией, и по сей день являются источником вдохновения и точной отсчета для многих влиятельных авторов, пишущих о российской гендерной системе [Здравомыслова, Темкина, 2003], маскулинности [Роткирх, 2011; Костерина, 2013; Тартаковская, 2002], отцовстве [Чернова, 2012], сексуальности и гендерных отношениях [Омельченко,

2014; Шорыгин, 2017] и на многие другие темы. Поскольку наследие И. С. Кона далеко выходит за пределы собственно социологических исследований, на него опираются и многие психологи, занимающиеся проблемами гендерных норм и социализации, гендерной идентичности и другими аспектами развития личности [Александрова, Баркова, 2015; Исаев, 2016; Клецина, Иоффе, 2017; Иоффе, 2018; Gulevich et al. 2018]. Можно сказать, что его влияние на российские социальные науки устойчиво и многопланово. Хотя Игорь Семенович Кон ушел из жизни уже более семи лет назад, как автор он присутствует в современной научной дискуссии, более того — помогает сохранять ее высокие стандарты.

Список литературы (References)

Александрова О. В., Баркова С. М. Восприятие детского сексуального опыта как составляющая социально-психологической адаптации у молодых взрослых // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2015. № 4. С. 142—152.

Aleksandrova O. V., Barkova S. M. (2015) Perception of one's childhood sexual experience as a part of socialpsychological adaptation in the early adulthood. *Vestnik of St. Petersburg State University. Ser. 16. Psychology. Pedagogy.* No. 4. P. 142—152. (In Russ.)

Бороздина Е. А., Кондаков А. А., Шторн Е. М. Современные исследования гендера и сексуальности: теоретические разработки и эмпирические изыскания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 5. С. 7—14.

Borozdina E., Kondakov A.A, Shtorn E. M. (2017) Current gender and sexuality studies: theoretical approaches and empirical research. *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* Vol. XX. No. 5. P. 7—14. (In Russ.)

Виттиг М. Прямое мышление. М. : Идея-пресс. 2002.

Wittig M. (2002) *La Pensée straight.* Moscow: Idea-Press. (In Russ.)

Воронцов Д. В. Сексуальность как этничность: культурный ресурс гендерезированной сексуальности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 5. С. 59—74.

Vorontsov D. V. Sexuality as ethnicity: a cultural resource of gendered sexuality. *The Journal of Sociology and Social Anthropology.* Vol. XX. No. 5. P. 59—74. (In Russ.)

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе / Е. А. Здравомыслова, А. Темкина // О муже(N)ственности. Сб. ст. / Сост. С. Ушакин. М. : Новое литературное обозрение. 2002. С. 432—451.

Zdravomyslova E. A. Temkina A. A. (2002) The crisis of masculinity in late Soviet discourse. In: *Ushakin S. (comp.) About husband shall be.* Moscow: New Literary Review. P. 432—451. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. Советский этакратический гендерный порядок // Социальная история. Ежегодник 2003. Женская и гендерная история / под ред. Н. Л. Пушкаревой. М. : РОССПЭН. 2003. С. 436—463.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) The Soviet etacratic gender order. In: Pushkareva N. L. (ed.) *Social History: Yearbook, 2003: Women's and Gender History*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Здравомыслова Е., Темкина А. Патриархат и женская власть // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 68—95.

Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) Patriarchate and women's power. In: *Russian Gender Order: Sociological Approach*. Ed. by E. Zdravomyslova and A. Temkina. SPb: EUSP. P. 68—95. (In Russ.)

Исаев Д. Д. Деконструкция гетеронормативной матрицы // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2016. Т. 13. № 1. С. 9—26.

Isaev D. D. (2016) Deconstruction of the heteronormative matrix. *Psychology. Journal of Higher School of Economic*. Vol. 13. No. 1. P. 9—26. (In Russ.)

Иоффе Е. В. Сексуальные отношения в контексте четырех революций: семейной, сексуальной, гендерной и цифровой // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV—XXI веков. Материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4—7 октября 2018 г., Нижний Новгород : в 2-х томах / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. М. : ИЭА РАН, 2018. Т. 2. С. 132—135.

Ioffe E. V. (2018) Sexual relations in the context of four revolutions: family, sexual, gender and digital. In: *Citizens in the political, economic and cultural processes of the Russian urbanization of the XIV—XXI centuries*. Proceedings of the Eleventh international scientific conference of RARWH and IAE RAS, 4—7 October 2018, Nizhny Novgorod. Ed. by Pushkareva N. L., Gronskaya N. A., Radina N. K. Moscow: IAE RAS. P. 132—135. (In Russ.)

Клецина И. С., Иоффе Е. В. Гендерные нормы как социально-психологический феномен. М. : Проспект, 2017. 144 с.

Klecina T. S., Ioffe E. V. (2017) Gender norm as a socio-psychological phenomenon. Moscow: Prospekt. (In Russ.)

Кон И. С. Половая мораль в свете социологии // Советская педагогика. 1966. № 12. С. 64—77.

Kon I. S. (1966) Sexual Mores in the light of sociology. *Soviet pedagogy*. No. 12. P. 64—77. (In Russ.)

Кон И. С. Социология личности. М. : Политиздат. 1967. 383 с.

Kon I. S. (1967) *Sociology of personality*. Moscow. Politizdat Publ. 383 p. (In Russ.)

Кон И. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб. : Дмитрий Буланин. 2002. С. 24—46.

Kon I. S. (2002) Human sexuality at the turn of the XXI century. In: *In search of sexuality: a collection of articles*. Eds. E. Zdravomy'slova, A. Tyomkina. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ. P. 24—26. (In Russ.)

Кон И. С. Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви. М. : Олимп. 2003.
Kon I. S. (2003) Moonlight at dawn. Faces and masks of same-sex love. Moscow: Olymp. (In Russ.)

Кон И. С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. 2-е изд., переработанное и дополненное. М. : Айрис Пресс, 2005.

Kon I. S. (2005) Strawberries on the birch tree: sexual culture in Russia. 2-nd ed. Moscow: Airis Press. (In Russ.)

Кон И. С. 80 лет одиночества. М. : Время. 2008.

Kon I. S. (2008) Eighty years of loneliness. Moscow: Vremya. (In Russ.)

Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.

Kon I. S. (2009) A man in a changing world. Moscow. Vremya. (In Russ.)

Кондаков А. Конфигурации права: как действует закон о «пропаганде» в школах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. Том XX. № 5. С. 187—206.

Kondakov A. (2017) Configurations of law: how does the law on «Propaganda» function in schools. The Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. XX. No. 5. P. 187—206. (In Russ.)

Кософски Седжвик И. Эпистемология чулана / пер. с английского О. Липовской и З. Баблюяна. М. : Идея-Пресс, 2002.

Kosofsky Sedgwick E. (2002) Epistemology of the Closet. Trans. from En. By Lipovsky O., Babloyan Z. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)

Костерина И. «Ботаники» против Джеймса Бонда: некоторые тренды современной маскулинности // Способы быть мужчиной. Трансформации маскулинности в XXI веке. М. : Звенья, 2013. С. 18—31.

Kosterina I. (2013) Botany» against James Bond: some trends of modern masculinity. In: Tartakovskaya I. N. (ed.) Ways to be a man: the transformation of masculinity in the 21st century. Moscow: Zvenja. P. 18—31. (In Russ.)

Лунин И. И., Старовойтова Г. В. Исследование родительских полоролевых установок в разных этнокультурных средах // Этнические стереотипы мужского и женского поведения / под ред. Байбурина А. К. и Кона И. С. СПб. : Наука. 1991. С. 3—16.

Lunin I. I., Starovoitova G. V. (1991) Research parental role polo facilities in various ethno-cultural environments. In: A. K. Baiburin, I. S. Kon (Eds.). Ethnic stereotypes of men and women behavior. Saint Petersburg: Nauka. P. 3—16. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Скинхед-идентичность в локальном контексте: гомосоциальность, интимность и тело бойца // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 61—76.

Omelchenko E. L. (2014) Skinhead Identity in a local context: homosociality, intimacy, and fighter's body. Etnograficheskoe obozrenie. No. 1. P. 61—76. (In Russ.)

Роткирх А. Мужской вопрос: любовь и секс трех поколений в автобиографиях петербуржцев / пер. с англ. Е. Д. Никифоровой; науч. ред. Е. А. Здравомыслова. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2011.

Rotkirch A. (2011) *The Man Question. Loves and sex of three generations in autobiographies of St. Petersburg's citizens.* Trans. from En. E. D. Nikiforova. St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Тартаковская И. Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112—125.

Tartakovskaya I. (2002) Men in the labor market. *Sociological Journal (Sotsiologicheskij Zhurnal)*. No. 3. P. 112—125. (In Russ.)

Чернова Ж. Семейная политика в западноевропейских странах: модели отцовства // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 1 (60). С. 103—123.

Chernova Zh. (2012) Family Policies in Western European countries: the models of fatherhood. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XV. No. 1 (60). P. 103—123. (In Russ.)

Шорыгин Е. А. Гендерные режимы в школах // Журнал социологии и социальной антропологии. 2017. № 20 (5). С. 167—186.

Shorygin E. A. (2017) Gender regimes in high schools. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 20(5). P. 167—186. (In Russ.)

Carrigan, T., Connell R., Lee J. (1985) Toward a New Sociology of Masculinity. *Theory and Society*. Vol. 14. P. 551—604. <https://doi.org/10.1007/BF00160017>.

Connell R. (2009) *Gender in World Perspective.* London: Polity Press.

Grzebalska V., Kováts E., Peto A. (2017) Gender as symbolic glue: The Position and Role of Conservative and Far Right Parties in The Anti-Gender Mobilizations In Europe. URL: <http://politicalcritique.org/long-read/2017/gender-as-symbolic-glue-how-gender-became-an-umbrella-term-for-the-rejection-of-the-neoliberal-order/> (accessed: 04.10.2018).

Gulevich O., Osin E., Isaenko N., Brainis L. (2018) Scrutinizing Homophobia: A Model of Perception of Homosexuals in Russia. *Journal of Homosexuality*. Vol. 65. No. 13. P. 1838—1866. <https://doi.org/10.1080/00918369.2017.1391017>.

Holme I. (2008) Hearing People's Own Stories. *Science as Culture*. No. 17 (3). P. 341—344.

Inglehart R., Baker W. (2000) Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. Vol. 65. No. 1. P. 19—51. <https://doi.org/10.2307/2657288>.

Kandioti D. (1988) Bargaining with Patriarchy. *Gender and Society*. Vol. 2. No. 3. P. 274—290. <https://doi.org/10.1177/089124388002003004>.

Kang D. (2012) Kathoey In Trend: Emergent Genderscapes, National Anxieties and the Re-Signification of Male-Bodied Effeminacy in Thailand. *Asian Studies Review*. Vol. 36. No. 4. P. 475—494. <https://doi.org/10.1080/10357823.2012.741043>.

Khan F. (2016) Khwaja Sira Activism: The Politics of Gender Ambiguity in Pakistan. *TSQ*. Vol. 3. No. 1—2. P. 158—164. <https://doi.org/10.1215/23289252-3334331>.

Kiblitckaya M. (2000) 'Once We Were Kings': Male Experiences of Loss of Status at Work in Post-communist Russia. In: *Gender, State and Society in Soviet and Post-Soviet Russia*. Ed. by S. Aschwin. London: Routledge. P. 55—70.

Light E. (2018) Don't ask, don't tell» (DADT) about Bio Sex. Abstract of the Preaching to the Choir: International LGBTQ Pre-Conference, Montreal. URL: <https://osf.io/6ejzt/> (accessed: 17.10.2018).

Lunin I. (2017) Striving for LGBTQ rights in Russian psychology and society: A personal narrative. *Psychology in Russia: State of the Art*. Vol. 10 (2). P. 35—41. <https://doi.org/10.11621/pir.2017.0203>.

Mosse G. (1996) *The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity*. Oxford: Oxford University Press.

Rubin G. (1984) Thinking Sex: Notes for a Radical Theory of the Politics of Sexuality. In: Carole Vance (ed.) *Pleasure and Danger*. Boston, London, Melbourne, Henley: Routledge & Kegan Paul. P. 267—319.

Valentine G. (1993) (Hetero)Sexing Space: Lesbian Perceptions and Experiences of Everyday Spaces. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 11. No. 4. P. 395—417. <https://doi.org/10.1068/d110395>.

van Anders S. (2015) Beyond Sexual Orientation: Integrating Gender/Sex and Diverse Partnered Sexualities via Sexual Configurations Theory. *Archives of Sexual Behavior*. Vol. 44 (5). P. 1177—1213. <https://doi.org/10.1007/s10508-015-0490-8>.

van Anders S., Schudson Z. (2017) A Response to Commentaries on «Beyond Sexual Orientation: Integrating Gender/Sex and Diverse Partnered Sexualities via Sexual Configurations Theory» (van Anders, 2015). *Archives of Sexual Behavior*. Vol. 46 (5). P. 1547—1550. <https://doi.org/10.1007/s10508-017-1004-7>.

Weeks J. (1985) *Sexuality and its Discontents: Meanings, Myths and Modern Sexualities*. London: Routledge and Kegan Paul.

Whittier D. K., Simon W. (2001) The fuzzy matrix of «My Type» in intrapsychic sexual scripting. *Sexualities*. Vol. 4 (2). P. 139—165. <https://doi.org/10.1177/136346001004002003>.